

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ МЕЙНСТРИМ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ?*

Инна А. Угланова

Пермский университет, Россия

The paper provides a critical survey of the current state of problems in modern linguistics. The article contents are disputed the problem of existence of paradigm in linguistics. The issue remains open.

Предварительные замечания и проблемный синопсис

Пожалуй, начну с того, что в англоязычной среде (и не только в ней) называют словом «disclaimer», что в вольном переводе означает заблаговременный отказ от ответственности. Исходя из этих соображений, сразу отмечу, что, с одной стороны, я не готова к разговору на обозначенную в заголовке тему, с другой стороны, к нему вряд ли можно быть готовым, но при всем этом его совершенно нельзя избежать (по крайней мере для меня это однозначно так).

Внесу некоторые замечания относительно ключевого слова заголовка статьи – слова «мейнстрим». Если дословно, то мейнстрим (от англ. *the mainstream*) – главное направление, господствующая тенденция. Одно из толкований этого слова, которое дает кембриджский толковый словарь, – набор представлений, принятых большинством людей – «the set of beliefs accepted by most people» (Cambridge... 2004: 751). Выбор слова «мейнстрим» не случаен. Он обусловлен ситуацией в современной лингвистике. Анализ этой ситуации в целом не позволяет, на мой взгляд, однозначно утверждать, имеем ли мы дело 1) с некой единой парадигмой, порождающей все современные исследования, или же 2) мы имеем дело с целым рядом теорий, или 3) (другой вариант) мы просто можем говорить о неких чертах, присущих современной лингвистике, быть может, даже называя их парадигмальными, но при этом не возводя их до атрибутов парадигмы. Я не возьму на себя смелость утверждать, что современная лингвистика внепарадигмальна. Безусловно, можно перечислить черты, присущие современной лингвистике (имеются хорошо аргументированные работы, в которых они излагаются), однако если

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ № 05-04-82404а/У и Аналитической ведомственной целевой программы развития научного потенциала высшей школы № РНП 2.1.3.6711.

считать их атрибутами парадигмы, то (по крайней мере, для меня) возникает вопрос, как назвать эту парадигму.

Аспекты представления современной лингвистики

Современную лингвистику характеризуют либо 1) через основные, доминирующие теории (концепции), либо 2) через описание черт, присущих современным лингвистическим исследованиям, через специфику проблематики, или 3) сразу позиционируют ее как развивающуюся в рамках определенной парадигмы. Рассмотрим современную лингвистику с этих аспектов представления, за исключением второго (характеристику через специфику проблематики опущу, поскольку в общем контексте этот пункт оказывается несколько тавтологичен).

Значимые теории современной лингвистики

В.З. Демьянков на основе обширного анализа современных теорий, концепций, гипотез выделяет девять наиболее значимых теорий современной лингвистики:

- 1) генеративная теория;
- 2) интерпретационизм (или интерпретирующий подход);
- 3) категориальные грамматики;
- 4) функционализм;
- 5) теория прототипов;
- 6) лингвистика текста;
- 7) теории речевого действия;
- 8) принцип кооперированности;
- 9) когнитивная лингвистика (см. Демьянков 1995).

Охарактеризую вслед за В.З. Демьянковым значимые теории современной лингвистики.

В генеративизме грамматика языка задается как формальная автономная система, реконструируемая лингвистом и обладающая «психологической реальностью» в жизни человека. Языковые способности человека объяснимы, по крайней мере, частично, через структуру языковых репрезентаций, т.е. через свойства сущностей, порождаемых грамматикой конкретного естественного языка. Главная цель теории грамматики состоит в объяснении структуры этих языковых способностей. Лингвистика представляется как раздел когнитивной психологии (Там же: 245-251).

Ключевая характеристика интерпретационизма заключается в том, что «значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме» (Там же: 251-254).

Категориальные грамматики (или логические грамматики) связаны с типизацией языка. В категориальной грамматике каждый

элемент словаря языка отнесен к одной или к нескольким категориям, так что каждая категория является либо базисной, либо определяемой комбинаторным путем через другие, более простые. Результатом является бесконечная иерархия упорядоченных категорий (Там же: 254-262).

С позиций функционализма для лингвистического анализа существенны функции элементов выражения, а не сами элементы (Там же: 262-273).

В основе теории прототипов лежит представление о недискретности, размытости границ, непрерывности и случайности в определении вещей и их именовании. Категории формируются в рамках континуума как пересечения некоторого числа «характерных», или «типичных» свойств-признаков (Там же: 273-277).

В основании лингвистики текста (шире – семиотики текста) лежало представление о том, что «грамматика текста» организована не так, как грамматика предложения (Там же: 278-285).

В теории речевого действия предпринята попытка взглянуть на речь и на язык через призму действий носителя языка и определить значение как употребление предложения в конкретных обстоятельствах (Там же: 285-298).

В особое направление исследований В.З. Демьянков выделяет изучение действия принципа кооперированности, сформулированного П. Грайсом: «Говори в соответствии со стадией разговора, общей (для собеседников) целью и направлением в обмене репликами». В данном направлении специально исследуются функциональная действенность максим дискурса и коммуникативные импликатуры (Там же: 298-304).

В когнитивной лингвистике язык рассматривается как одна из когнитивных способностей человека. Ключевые проблемы когнитивной лингвистики: 1) репрезентация ментальных механизмов освоения языка и принципов их структурирования, рассмотрение того, как языковое знание «когнитивно» перерабатывается, 2) продуцирование, проблемы порождения и восприятия (Там же: 304-307).

Такова современная лингвистика в представлении В.З. Демьянкова. Отмечу, что выделение некоторых теорий (принципов) как самостоятельных, мне представляется не совсем адекватным, оправданным (например, сомнительно выделение в качестве ключевой идеи принципа кооперированности, а также теории речевого действия и интерпретационизма). Но такова точка зрения автора. Любопытно, что сам автор в качестве предварительного вывода в вводной части статьи подчеркивает, что «эти и подобные

идеи сочетаются между собой в различных конкретных теориях аналогично пучку дифференциальных признаков» (Там же: 245). Мне представляется, что круг доминирующих теорий может быть ограничен тремя: генеративной, функциональной и когнитивной. К этим трем еще, пожалуй, можно добавить теории, в которых язык рассматривается с позиций логики, как формализуемая система.

Парадигмальные черты современной лингвистики

Е.С. Кубрякова, отмечая отличительные парадигмальные черты современной лингвистики, пишет: «При всем внешнем разнообразии представлений о языке современной лингвистике все же свойственно следование определенной системе общих установок. Таких принципиальных установок мы выделяем четыре, это: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, или, скорее, неофункционализм, и, наконец, экспланаторность» (Кубрякова 1995: 207).

Экспансионизм связан с тенденцией расширения границ лингвистики, что обусловлено поиском новых подходов к изучаемому объекту. Проявление экспансионизма можно видеть в возникновении новых сдвоенных наук (психолингвистика, социолингвистика, социо- и психосемантика, семантика синтаксиса и пр.), в возникновении новых дисциплин (инженерная и компьютерная лингвистика), и в формировании новых областей знания внутри самой лингвистики (лингвистика текста, теория речевых актов и т.п.), в расширении предметов исследования и внутри уже сложившихся уровней лингвистических дисциплин. Следствием современного экспансионизма лингвистики становится известная размытость границ теоретической лингвистики и полемика о том, что составляет предмет ее исследования и как его можно рационально ограничить, не теряя специфики собственно лингвистического анализа (Там же: 208-211).

Экспансионизм теснейшим образом связан и с другими отличительными чертами современной лингвистики – антропоцентризмом, функционализмом и экспланаторностью, поскольку обращение к другим наукам определяется в первую очередь стремлением найти языковым феноменам то или иное объяснение. Такое объяснение устройству языка пытаются найти, в первую очередь, в сущностных характеристиках его носителя – человека (Там же: 212).

Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается прежде всего в том, что научные объекты изучаются по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, в развитии человеческой личности и ее усовершенствований. Он ставит человека во главу угла всех теоретических предпосылок научного исследования.

Антропологический принцип рассматривается сейчас как методологическая основа для объединения лингвистики с комплексом смежных наук, тем принципом, на основе которого можно создать новую общую теорию языка. Е.С. Кубрякова приводит в этой связи высказывание Яна Ньюта: «Сегодня область науки о языке вряд ли можно охарактеризовать как нечто связанное, это скорее конгломерат различных сфер познания языка со своими собственными объектами анализа. Возникает вопрос, под эгидой какой науки можно было бы собрать все это и подчинить исследование языка более цельной программе. Ответ на этот вопрос все чаще формулируется так: исследование языка – это в основе своей исследование когнитивное» (Nuys cit. по: Кубрякова 1995: 215-216).

Что касается функционализма, единого определения термина «функционализм» не существует. Один из основоположников функционализма Р.О. Якобсон трактует его следующим образом: «Структурные свойства языка объясняются в свете тех задач, которые эти свойства выполняют в различных процессах коммуникации» (Jakobson cit. по: Кубрякова 1995: 217). Функциональный подход к языковым явлениям заключается в том, что акцентируется внимание на исследовании функций изучаемого объекта, во главу угла ставятся вопросы о назначения языка, особенностях его природы в свете выполняемых им задач. Общим постулатом функциональной лингвистики является положение о том, что язык представляет собой инструмент, орудие, средство, наконец, механизм для осуществления определенных целей и реализации человеком определенных намерений – как в сфере познания действительности, так и в актах общения, социальной интеракции, взаимодействия (Кубрякова 1995: 217).

Наконец, еще одна черта, присущая современной лингвистике, – экспланаторность (или объяснительность, очевидно, калька с английского). Речь идет о смещении акцента в диаде «описание-объяснение» на второй компонент. Связана эта черта со стремлением найти внутренней организации языка, его отдельным модулям, реальному осуществлению дискурса, порождению и пониманию речи то или иное объяснение (Там же: 221-227).

Парадигма

И, наконец, следуя собственной логике представления уровней обобщения, от идей, проблем, теорий через перечисление черт, характеристик в целом перейду к «парадигме» современной лингвистики (парадигма в кавычках, поскольку это есть предмет моих сомнений).

Как известно, термин «парадигма» ввел американский историк от науки Томас Кун. Парадигма – некие концептуальные рамки, которые ученое сообщество пытается навязать природе.

В.А. Маслова пишет: «Традиционно выделяются три научные парадигмы – сравнительно-историческая, системно-структурная и, наконец, антропоцентрическая». Далее автор дает краткую характеристику этих трех парадигм: «Сравнительно-историческая парадигма была первой парадигмой в лингвистике, ибо сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Весь XIX век прошел под эгидой этой парадигмы. При системно-структурной парадигме внимание было ориентировано на предмет, вещь, имя, поэтому в центре внимания находилось слово» (Маслова 2001: 5).

Антропоцентрическая парадигма (по В.А. Масловой) – это переключение интересов исследователя с объектов познания на субъекта, анализируется человек в языке и язык в человеке. Идея антропоцентричности языка – ключевая в современной лингвистике. В наше время целью лингвистического анализа уже не может считаться просто выявление различных характеристик языковой системы (Там же: 6).

«В процессе формирования новой научной парадигмы был провозглашен тезис: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (Л. Витгенштейн). Язык был постепенно переориентирован на факт, событие, а центром внимания стала личность носителя языка (языковая личность, по Ю.Н. Караулову). Новая парадигма предполагает новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики (...)» (Там же: 7). Замечателен финал всех этих рассуждений: «Основные направления в современной лингвистике, формирующиеся в рамках данной парадигмы, – когнитивная лингвистика и лингвокультурология» (Там же: 8).

Таким образом, что мы имеем. А имеем мы сейчас то, от чего ушел Ф. де Соссюр, окончательно определяя специфику лингвистической точки зрения на объект, имеем мы груды разнородных, вот только с одним отличием, груды разнородных, но между собою связанных явлений (подразумевая антропоцентризм как объединяющее основание). Собственно, не ново: человек как мера всех вещей (Протагор).

Пропедевтическая, методическая, дидактическая (не важно, как ее определить) ошибка всего этого налицо. Позволительно еще студентам воодушевиться необъятными перспективами, которые открывает антропоцентризм. Однако если бы так. Появляются молодые,

амбициозные исследователи, которые уже не различают или теряют (находятся в процессе утраты, как я в свое время) специфику предмета лингвистики, подменяя ее предметом совершенно другой области, дисциплины. Каково следствие междисциплинарности, экспансионизма? По существу лингвистика сейчас теряет свой предмет. Следствием второго порядка является утеря принципа системности (уверенно не могу сказать, пока это для меня область интуитивного). Обретя предмет только в начале двадцатого столетия, к началу двадцать первого мы его благополучно «растворили».

В результате мы имеем, на мой взгляд, совершенно парадоксальную ситуацию. Поясню. Грубо говоря, все бросились изучать междисциплинарные проблемы, полагая, что там можно найти ответы, выход к новым горизонтам. Безусловно, это так. Имя этой установки – антропоцентризм. Печаль здесь заключается в том, что антропоцентризм считают не методологической, а онтологической установкой: лингвистика пытается выйти / выходит за свои пределы, в то время как другие науки (не говоря о философии, вся современная философия в принципе есть философия языка, речь идет о целом ряде естественнонаучных дисциплин) приходят «к языку». Как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, «научное знание – это вид дискурса. Поэтому можно сказать, что на протяжении сорока лет так называемые передовые науки и техники имеют дело с языком: фонология и лингвистические теории, проблемы коммуникации и кибернетика, современные алгебры и информатика, вычислительные машины и их языки, проблемы языковых переводов и исследование совместимости машинных языков, проблемы сохранения в памяти и банки данных, телематика и разработка «мыслящих» терминалов, парадоксологи – вот явные свидетельства и список этот неисчерпан» (Лиотар 1998: 15-16). Эту установку можно назвать логоцентризмом. Важно то, что для нелингвистических наук логоцентризм является методологической установкой.

Это был взгляд на лингвистику изнутри. Ставлю здесь многоточие. И перехожу к более конструктивной части рассуждений. Взгляд на лингвистику изнутри парадоксальным образом оказывается каким-то поверхностным, неполным. Поэтому расширю границы рассмотрения, попытаюсь вписать современную лингвистику в общекультурный, мировоззренческий контекст.

Считается, что живем мы сейчас в проекте, именуемом «постмодерн». Постмодерн – мировоззрение, выражающее основные тенденции, установки и ориентиры общества конца XX – начала XXI вв. Известно, что объективно становление постмодернизма

начинается в конце 60-х гг., именно тогда была сформирована идеологическая основа. Именно в 60-е гг. осуществился переход от его индустриального к постиндустриальному, информационному обществу.

Социально-политический контекст: проявлением постмодернизма стали выступления левых радикалов во Франции и их поражение (революционной идеологии); мощные студенческие движения, воодушевленные «культурной революцией» в Китае, идеями Э. Гевары о «революции без бюрократии»; пражская весна, когда под танками погибла вера в социализм с человеческим лицом; Вьетнам...

В литературе во второй половине 60-х гг. Д. Барт, У. Берроуз, К. Воннегут, Х. Кортасар, В. Набоков, Т. Пинчон, А. Роб-Грийе и др., независимо друг от друга, создают литературные произведения, которые оказываются довольно близкими по своему духу: смешение жанров, отсутствие заданной структуры, цитатность, ирония.

В науке – это гипотеза И. Пригожина о нестабильности вселенной, исходя из которой, мир находится в неустойчивом равновесии, балансируя на грани порядка и хаоса; Б. Мандельброт с его фрактальной геометрией, положившей начало мировоззренческому прорыву в способах объяснения природы. В целом, для постнеклассической науки характерен отказ от господствующего представления о мире как о ригидном универсуме, подчиненном сумме неизменных законов, в котором нет места хаосу, неустойчивости, нелинейности, неопределенности, и переход к его пониманию в качестве постоянно меняющейся, аморфной, многовариантной в своем развитии и бесконечно сложной реальности.

В философии – это постструктурализм. Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида, М. Фуко и др. Между постструктурализмом и постмодернизмом нельзя провести четкой грани. Существует точка зрения, которую поддерживаю и я, что постструктурализм является первым этапом развития постмодернизма, когда были заложены идеологические основы постмодерна. Перед постструктурализмом в конце 60-х гг. стояла вполне определенная задача – «расшатать» модернистское мировоззрение.

Рассмотрю два понятия: понятие отсутствующей структуры и понятие децентрации. За что же критиковали структурализм?

Прежде всего, за то, что структурализм пытается загнать все в одну всеобъясняющую, некую универсальную схему, все свести к некой Пра-структуре, поскольку пытается найти универсальные законы коммуникации. «Но что если Пра-код – это вовсе никакая не структура, если он, напротив, представляет собой некий смутный

источник всевозможных конфигураций, включая и те, что друг с другом не согласуются?» – задает вопрос один из главных идеологов, теоретиков постмодерна У. Эко (Эко 1998).

Постструктуралисты говорят, что структура – это то, чего еще нет. Если она есть, если я ее выявил, то я владею только каким-то звеном цепи, которое мне указывает на то, что за ним стоят структуры, более элементарные, более фундаментальные. Если код-кодов – это последний предел, неизменно отступающий, то по мере того как исследование обнаруживает и выявляет его отдельные воплощения, структура предстает как ее Отсутствие (Там же). Вот какова логика постструктуралистов.

Основная критика постструктурализма была направлена против онтологизации структуры. Один из постулатов онтологического структурализма: структуры, выявленные лингвистическими и этнолингвистическими исследованиями, существуют на самом деле, являясь константами человеческого ума, т.е. способами функционирования мозгового аппарата, чьи структуры изоморфны структурам физической реальности (Там же).

Критиковать онтологизацию структуры – не значит отрицать структуру как таковую. У. Эко пишет: «Но если я воздерживаюсь от суждения по поводу объективности структуры, мне ничего не остается, кроме как считать выявленную структуру со всеми ее смыслами познавательной моделью. А если я знаю, что структура – это модель, то из этого следует, что с онтологической точки зрения она не существует» (Там же). Вот в чем смысл отсутствующей структуры. Главный тезис работы Эко – «отсутствующая в любом случае структура уже не может рассматриваться как объективная цель исследования, но считается рабочим инструментом описания явлений ради включения их в более широкий контекст» (Там же).

Еще одним из ключевых понятий постмодерна является понятие «децентрации» (Ж. Деррида). По мнению Ж. Деррида, любая структура предполагает фиксацию относительно некоторой центральной точки. Децентрация – это попытка разомкнуть, рассеять структуру, сделать ее открытой. «Сознание растворено в процессе выработки смыслов, и смысл, вместо того чтобы навязывать себя как некая поддающаяся определению реальность, предстает переключкой приходов и уходов, уверткой и ухмылкой» (Derrida цит. по: Эко 1998: 350).

От системы различий и оппозиций, от бинарных систем, от бинарных представлений постструктуралисты приходят к описанию этих же систем и структур, но в терминах распределения,

перераспределения. У. Эко приводит пример из психологии, со ссылкой на работу А. Омбредана «Перцепция и информация»: «Отличительное свойство восприятия заключается в том, что оно является результатом процесса флюктуации, предполагающего непрерывный обмен между предрасположениями субъекта и возможной конфигурацией объекта, а также то, что эти конфигурации объекта относительно стабильны или нестабильны внутри относительно изолированной пространственно-временной системы, характеризующей данное конкретное поведение» (Ombredane цит. по: Эко 1998: 382). Вывод Эко: «Если уже на уровне чувственного восприятия и интеллекта структурирующая деятельность представляется свободной и испытательной (чтобы не сказать изобретательной), то с тем большим основанием ее следует считать таковой и на уровне разработки эпистемологических моделей, призванных упорядочить универсум культуры» (Эко 1998: 383).

Важно подчеркнуть, что, быть может, самое главное для постмодерна, на мой взгляд, то, что он не отрицает, а критикует, переосмысливает, дополняет, интерпретирует.

В соответствии с мировоззренческими установками постмодерна финала у статьи нет, он открытый. Структурализм открыл дорогу междисциплинарности. Структурализм породил антропоцентризм. Антропоцентризм – реакция на то, что структурализм не успел вовремя остановиться в своем поиске Пра-структуры, довел этот поиск до абсурда. Но антропоцентризм в лингвистике тоже принимает какие-то гипертрофированные формы. С антропоцентризмом происходит то же, что произошло со структурализмом. Он становится онтологичным. В этой антропоцентричной междисциплинарности мы теряем специфику, специфику своей точки зрения на объект. Язык – дом Бытия. Мы, лингвисты, вышли из дома, дверь захлопнулась, а ключ благополучно остался лежать внутри дома.

Антропоцентризм я склонна считать не парадигмой, а неким переходным этапом. Лингвистика не может определиться, застряла в каком-то своем собственном мейнстриме. От структурализма открестилась, но в постмодерн тоже не вписались, причем именно лингвистика, а не семиотика. Мы выхватываем из постмодернистической семиотики, вообще из постмодерна, отдельные формы, но они у нас обесмысливаются (становятся каким-то фарсом, просто пафосом).

Область X-files

Это не есть тема данной статьи. Но! Возможно, существует лингвистика вне мейнстрима, лингвистика истинного постмодерна –

область динамического напряжения (динамического равновесия) между лингвистикой языка и лингвистикой речи. В качестве **методологического** (подчеркиваю) основания такого динамического равновесия вполне реально рассматривать синергетику. Поясню почему. Синергетика, по мысли автора этого термина и создателя самого направления Г. Хакена, занимается изучением систем, состоящих из многих подсистем самой различной природы. «Я назвал новую дисциплину «синергетикой», – писал Г. Хаген, – не потому, что в ней исследуется совместное действие многих элементов систем, но и потому, что для нахождения общих принципов, управляющих самоорганизацией, необходимо кооперирование многих различных дисциплин» (Хаген цит. по: Климонтович 1986: 3).

Библиографический список

- Демьянков В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239-320.
- Климонтович Н.Ю.* Без формул о синергетике / Н.Ю. Климонтович. Минск, 1986.
- Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144-238.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология / В.А. Маслова. М.: Academia, 2001.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. / У. Эко. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.